

Алексей Митрофанов
Тверская

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Тверская. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Тверская. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853000-5

Тверская — самая главная улица Москвы, и это бесспорно. Здесь больше всего людей, машин, кафе, рекламы, ресторанов, магазинов. Здесь самые нарядные витрины и самые забористые цены. Днем здесь самые спешащие прохожие, а ночью — самые неспешные. Здесь в самых жутких пробках стоят самые роскошные автомобили. Богачи тут самые богатые, а бедняки самые жалкие. Характер Тверской улицы сложился не сейчас, в далеком прошлом. Вот об этом прошлом мы сегодня и поговорим.

ISBN 978-5-44-853000-5

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Вратарница и Заместительница	6
Главный сад страны	11
Перед Манежем	16
«Агурцын квас»	18
«И звучит оркестрион»	21
Мясное княжество	28
Национальная гостиница	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тверская Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2017

ISBN 978-5-4485-3000-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга о Москве. Точнее, о Тверской, главной улице нашего города.

Тверская – самая главная улица Москвы, и это бесспорно. Здесь больше всего людей, машин, кафе, рекламы, ресторанов, магазинов. Здесь самые нарядные витрины и самые забористые цены. Днем здесь самые спешащие прохожие, а ночью – самые неспешные. Здесь в самых жутких пробках стоят самые роскошные автомобили. Богачи тут самые богатые, а бедняки самые жалкие. Здесь устраивают самые шикарные народные гулянья, а перед Новым годом устанавливают самую красивую в городе елку. Здесь чаще всего звонят мобильники. Здесь, в конце концов, располагается правительство Москвы.

Улица Тверская держала первенство всегда. Именно на Тверской была сделана первая мостовая, пущена первая конка, ее же первую и осветили электричеством. В честь этого события даже возник куплетец:

Всю Тверскую осветили,
Электричество пустили,
А в других местах прохожий
Поплатиться может рожей.

Тверская улица вообще располагала к поэтическому творчеству. К примеру, Петр Вяземский писал о ней в начале девятнадцатого века:

Здесь чудо – барские палаты
С гербом, где венчан знатный род.
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород.

И, разумеется, во времена давно минувшие, но не совсем еще позабытые, здесь разворачивалось множество занятнейших историй. Этим историям и посвящается книга.

Вратарница и Заместительница

ВОСКРЕСЕНСКИЕ ВОРОТА Китай-города были построены в 1680 году, снесены в 1931 году, а в 1996 году к 850-летнему юбилею столицы отстроены вновь.

Трудно поверить, но Тверская улица в действительности начинается не от гостиницы «Националь» и даже не от Манежной площади, а почти от самого Кремля. Точнее говоря, от Иверской часовни. Во всяком случае, столетие назад тут не было ни площади, ни длинного фасада гостиницы «Москва», а украшали это место самые обычные дома. И числились они как раз по улице Тверской.

Так что главная московская дорога отходила именно от этой достопримечательности.

А достопримечательность была, что называется, из первого разряда. Для москвичей дело привычное, а иностранцы поражались. Маркиз де Кюстин изумлялся: «Над двухпроездными воротами, через которые я вошел в кремль, помещается икона Божией Матери, написанная в греческом стиле и почитаемая всеми жителями Москвы.

Я заметил, что все, кто проходит мимо этой иконы – господа и крестьяне, светские дамы, мещане и военные, – кланяются ей и многократно осеняют себя крестом; многие, не довольствуясь этой данью почтения, останавливаются. Хорошо одетые женщины склоняются перед чудотворной Божией Матерью до земли и даже в знак смирения касаются лбом мостовой; мужчины, также не принадлежащие к низшим сословиям, опускаются на колени и крестятся без усталости; все эти действия совершаются посреди улицы с проворством и беззаботностью, отличающимися не столько благочестием, сколько привычкой».

Праздник турист, конечно, все напутал. Через Воскресенские ворота он вошел не в Кремль, а всего лишь на Красную площадь. Икона размещалась не над арками ворот, а в специально возведенной часовне между ними. Да и обвинять благочестивых москвичей в простой привычке к поклонению Иверской иконе было, мягко говоря, решением поспешным.

Говорил же господину де Кюстину его слуга (из итальянцев, но довольно долго проживший в России):

– Поверьте мне, синьор, эта Мадонна творит чудеса, причем настоящие, самые настоящие чудеса, не то что у нас: в этой стране все чудеса настоящие.

Не поверил ироничный скептик своему слуге и гиду, ну да ладно. Как явился, так и укатил обратно. Для москвичей, в конце концов, было не так уж важно мнение заезжего исследователя московских нравов.

А история самой иконы такова. Более тысячи лет тому назад одна женщина взяла икону Богоматери с младенцем и опустила ее в реку. А образ вместо того, чтобы утонуть, неожиданно вынырнул, встал на ребро и поплыл дальше. Так проплавал он целых два века, а после явился монахам Афонского монастыря – на этот раз в виде огромного огненного столба. Никто не мог дотронуться до образа, получилось это лишь у самого смиренного монаха. Икону поместили в главный храм, однако спустя три дня она, как уверяют свидетели, самовольно переместилась из храма на ворота, чтобы охранять монахов от всевозможных бед. С тех пор ее стали звать либо Заступницей, либо Вратарницей.

В семнадцатом столетии с иконы сняли копию и отвезли ее в Москву. Верующий человек – не коллекционер и не торговец живописью. Для него не важно – подлинник или же копия. Так что в сознании боголюбивых москвичей копия обладала столь же чудотворной силой, что и подлинник. И поклонялись ей не менее охотно.

А сама часовня расположена была на бойком месте – между Красной площадью и улицей Тверской. Редкий москвич не появлялся тут хотя бы раз в неделю: дела вели в торговые ряды, в присутствие, в конторы Китай-города. Проходя мимо обычного храма, простой обыватель,

сняв шапку, крестился на купол. Иверская же удостаивалась большего внимания. Почему-то здесь хотелось задержаться, преклонить колени, купить свечку, поставить перед образом, подумать о чем-то своем. Если же и ограничивались обычным, кратким ритуалом, то, во всяком случае, остановившись, а не походя.

Борис Зайцев в одном из романов писал: «Анна Дмитриевна подошла к Иверской, знаменитому Палладиуму Москвы – часовне, видевшей на своих ступенях и царей и нищих. Купив свечку, взошла, зажгла ее и поставила перед ликом Богородицы, мягко сиявшим в золотых ризах. Кругом – захудалые старушки, бабы из деревень; ходил монах с курчавой бородой, в черной скуфейке. Плакали, вздыхали, охали. Ближе к стене музея занимали места те, кто устраивался на ночь. Ночевали здесь по обету, чтобы три или десять раз встретить ту икону Богоматери, которую возят по домам и которая возвращается поздно ночью. Здесь служится молебен. И невесты, желающие доброй жизни в замужестве, матери, у которых больны дети, жены, неладно живущие с мужьями, мерзнут здесь зимними ночами».

А еще накануне перед экзаменами сюда съезжались гимназисты и студенты. В те времена родители напутствовали своих деток:

– Читай перед экзаменом молитву «Живый в помощи Вышнего». А за день не забудь сходить и помолиться к Иверской, поставить свечку.

Тогда считалось, что простой зубрежки правил недостаточно. Следовало заручиться помощью святыни.

Среди московской молодежи был еще один обычай – ставить перед Иверской не свечу, а красивую белую розу на длинном стебле. Почему-то, невзирая на столь опасное соседство с яркими свечами, здесь пожаров не было.

И верилось, что Иверская матушка, Заступница, Вратарница, все видит и оценит всякое усердие. Посмотрит мило и приветливо из своего волшебного розария – и все сразу наладится. Доходило до того, что перед особенно рискованными предприятиями к Иверской заглядывали воры и бандиты – считалось, что икона просто-напросто не может, даже не имеет права отказать кому-либо в помощи.

Впрочем, злобный путешественник Кюстин, рассуждая о привычке москвичей чтить Иверскую, кое в чем был все же прав. Поклонение этой иконе – часть стиля жизни истинного москвича. Уже упомянутая Анна Дмитриевна из романа Зайцева говаривала:

– Я московская полукровка, мещанка. Говорю «на Москва-реке», «нипочем», люблю блины, к Иверской хожу.

Не в кремлевские соборы и не в храм Христа Спасителя – именно к Иверской. Она действительно была в одном ряду с блинами и московским говорком.

Даже прожженные скептики-интеллигенты не гнушались идти на поклон к Заступнице. «Прежде всего, Михаил Аверьяныч повел своего друга к Иверской. Он молился горячо, с земными поклонами и со слезами, и когда кончил, глубоко вздохнул и сказал:

– Хоть и не веришь, но оно как-то покойнее, когда помолишься. Приложитесь, голубчик». Это из Чехова, «Палата №6».

Сам же Антон Павлович, беседуя однажды с коллегой Куприным, вспомнил третьего коллегу – Михаила Саблина:

– Знаете, – начал он издавека, – Москва – самый характерный город. В ней все неожиданно. Выходим мы как-то утром из «Большого Московского». Это было после длинного и веселого ужина. Вдруг Саблин тащит меня к Иверской, здесь же, напротив. Вынимает пригоршню меди и начинает оделять нищих – их там десятки. Сунет копеечку и бормочет: о здравии раба Божия Михаила. Это его Михаилом зовут. И опять: раба Божия Михаила, раба Божия Михаила... А сам в Бога не верит... Чудак...

Так что не только лишь благочестивые верующие посещали знаменитую «часовню звездную – приют от зол, где вытертый от поцелуев пол» (как писала об Иверской поэтесса Марина Цветаева).

* * *

Но была во всем этом огромная несправедливость. Ведь в помощи иконы более других нуждались тяжелобольные – те, кто никак не мог добраться до часовни и приложиться к чудотворной Иверской. Но несправедливость эту быстро устранили. Действительно, ведь если можно было сделать одну копию, значит, можно сделать и другую. Таким образом в Москве возникло несколько Иверских икон. И все – чудотворные. Выстраивать их по ранжиру в смысле подлинности и могущества считалось делом не богоугодным, чуть ли не языческим. Богоматерь-то одна, и поклоняются-то, по большому счету, ей, а не куску раскрашенного дерева в дорогих ризах.

Поэтому икону регулярно (чаще ночью, но случалось, что и днем) выносили из часовни и возили по Москве. А на ее место ставили так называемую Заместительницу.

Икона ездила по городу помпезно – в закрытой карете, украшенной херувимами из высокопробного золота, и с факельщиком-вестовым. Шестеркой лошадей управляли кучера без шапок. Разве что в самый жестокий мороз они обматывали уши толстыми платками.

Прохожие же, увидев эту важную процессию, крестились и тревожно перешептывались: «Иверскую везут».

«Поднятие иконы» (так официально назывался этот ритуал) вошло в московский, непонятный жителям иного города, фольклор. «Не миновать Иверскую поднимать» – так говорили в случае, когда какое-нибудь дело принимало скверный оборот. Подобным замечанием, но только ироничным – «Иверскую поднимают», – сопровождался и визит какой-нибудь высокой, редко одаряющей своим присутствием чиновной шишки.

Впрочем, не всегда икону приглашали по печальным поводам. Она могла приехать в новоселье, на крещение, к свадьбе. Многие же москвичи старались принимать икону вне зависимости от печальных или радостных событий. Например, раз в год.

К приему Иверской готовились заранее. Дом, конечно, прибирался и проветривался. Выносили мусор. Вытирали пыль. Заранее готовились два стула или же диванчик – словом, место, на которые служители Николо-Перервинского монастыря (почему-то именно они взяли «шефство» над иконой) ставили чудотворную святыню.

По заведенному регламенту Иверскую встречали во дворе. Первым из кареты выбирался отец дьякон, держа в руке фонарь на ножке. Он протягивал этот фонарь кому-нибудь из домоладцев, после чего остальные брали чудотворную икону и торжественно вносили в дом. Долго служили молебен, затем все прикладывались к чудотворной, а после ее проносили по всем помещениям (не забывая при этом сараи, конюшни и псарни). Под конец наступала самая странная часть этого ритуала. Икону наклоняли, и все обитатели должны были пролезть под ней. Кто полз на животе, кто на карачках, а кто-то семенил на четвереньках. Это называлось «осениться благодатью».

Случалось, что солидная, добропорядочная мать семейства, поднимаясь с корточек, запутывалась в платье, падала и еще долго не могла подняться. Дети, разумеется, хихикали и перешептывались, они называли сие действие игрой в маленьких сереньких мышек.

Взрослые, конечно же, одергивали подрастающее поколение, но и сами иной раз едва сдерживали улыбки.

По окончании монахам полагалось угощение, а затем икона уезжала. Радостные домоладцы поздравляли друг друга «с дорогой Гостьей» и наконец-то шли спокойно спать.

Естественно, не обходилось без курьезов. Как-то раз, на освящении дома актера Садовского, монахи не выдержали и начали хохотать. Оказывается, тайком от монастырского началь-

ства они не раз сбежали в театр, а служа молебен, постоянно вспоминали лицедея во всяческих комических ролях.

В другой раз известный хулиган и репортер Владимир Гиляровский, желая рассмешить своих знакомых, заплатил кучеру Иверской кареты три рубля за то, чтобы прокатиться в ней по улице, выглядывая при этом из окошка и демонстративно попивая пиво из бутылки.

Но это, конечно, считалось кощунством, хотя никому и не причиняло вреда.

* * *

Любопытным было и соседство Иверской иконы. В самих воротах расположен был архив Губернского правления. Слева – здание Присутственных мест, заполненное колоритным московским чиновничеством. Литератор Павел Вистенгоф писал об этих деятелях: «В девятом часу утра, если вам случится быть у Иверских ворот, то вы увидите, как они стаями стекаются со всех сторон, с озабоченными лицами, с завязанными в платке кипами бумаг, в которых весьма часто, может быть, упоминается и о вашей особе, если вы имеете дела. Они спешат, кланяются между собой, заходят в часовню Иверской Божией Матери и, сотворив молитву, бегут писать роковые слова: „Слушали, а по справке и приказали“, бывающие иногда для вас источником всех благ земных или наоборот. В три часа чиновники выходят из присутствия, тут опять вы можете их встретить, на лицах опять видна заботливость, но это уже не забота службы, а забота тощего желудка».

А рядышком со зданием Губернского правления располагалась тюрьма под народным названием «яма» (как нетрудно догадаться, названная из-за соответствующего местоположения).

Здесь сидели исключительно предприниматели. Разорившийся (или же разыгравший свое разорение) купец звал кредиторов на так называемую «чашку чаю». Вообще-то чай мог и не подаваться – главное, что инициатор этого «чаепития» рассказывал о том, как печальны его дела, а после предлагал присутствующим смириться с их не слишком выгодным вложением финансов и получить, к примеру, гривенник, а то и пятачок на рубль.

У кредиторов было три возможных выхода. Первый – и впрямь примириться с потерей. Второй – совместно взять опеку над делами неудачника. И третий – посадить его в «яму», «на высидку», пока не расплатится. Естественно, что на такую крайность шли чаще всего тогда, когда подозревали своего коллегу в махинации – дескать, злокозненный обманщик переписал все капиталы на жену. Однако же случалось, что сажали человека очевидно честного – в расчете, разумеется, на то, что его выкупит богатая родня.

Порочность же существовавшей схемы заключалась в том, что в государственной казне не было предусмотрено расходов на содержание подобных неплательщиков. И по действовавшим правилам деньги должны были вносить те самые обманутые вкладчики. Как только установленная сумма содержания не вносилась вовремя, купца из заключения отпускали.

Некоторые пользовались этим, чтобы подразнить бедного должника. Только его отпустят, только он пару деньков посидит дома – тут за него снова вносится оплата. И полицейский вновь отводит должника в гнусную «яму».

Про «яму» ходила песенка:
Близко Печкина трактира,
У присутственных ворот,
Есть дешевая квартира
И для всех свободный вход.

Естественно, условия в этой «квартире» были не из лучших. Многие лжебанкроты не выдерживали и расплачивались с кредиторами – лишь бы скорее выбраться из «ямы».

Правда, и это получалось не у всех. Известен случай, когда некий господин решил подобным образом подзаработать – перевел все свое дело на сына и отправился «на высидку». Довольно скоро это ему надоело, и встретившись со своим отпрыском, лжебанкрот предложил тому начать переговоры с кредиторами. На это сын вдруг неожиданно ответил:

– Посиди еще, папаша.

Тот, естественно, опешил:

– Ведь это мои деньги, я все передал тебе.

Сынок отвечивал:

– Сам знал, кому давал.

Долго еще тот «папаша» питался скудными харчами своих кредиторов и благотворительными сайками, которые обычно подавали к празднику «несчастненьким» сидельцам.

Рядом с «ямой» же располагался и Монетный двор – один из самых важных стратегических объектов старой, а точнее говоря, древней Москвы. Он был построен по приказу Петра Первого в 1697 году с целью чеканить твердую российскую валюту. На первом этаже располагались плавильная, кузнечная и прожигальная палаты, войти в которые можно было только со двора. Даже окна этих производственных цехов были обращены во двор, а не на улицу. Причина этих странностей была не только в засекреченности и особенной охране производства, но и в том, что оно было связано с огнем. Пламя могло вдруг вырваться и в который раз дотла сжечь деревянную Москву.

Во всяком случае, в тех помещениях, которые располагались выше – казначейской, работной, кладовой и двух пробирных палатах были прорезаны отнюдь не маленькие внешние окна.

Новое сооружение стало не только стратегическим объектом, но также и очередным монументальным украшением Москвы. Его фасады были разукрашены резьбой по камню, изразцовым фризом и другими символами роскоши того периода. А над воротами авторы написали о предназначении этого здания: «Построен сей двор ради делания денежной казны».

В девятнадцатом веке производство монет было выведено на окраину Москвы, а здесь разместился трактир, который в народе прозвали «Монетный».

Кроме того, старый Монетный двор использовался под складские помещения охотничьих продавцов. Владимир Гиляровский вспоминал о том, как санитарная комиссия обследовала этот древний памятник: «Осмотрев лавки, комиссия отправилась на Монетный двор. Посредине его – сорная яма, заваленная грудой животных и растительных гниющих отбросов, и несколько деревянных срубов, служащих вместо помойных ям и предназначенных для выливания помоев и отбросов со всего Охотного ряда. В них густой массой, почти в уровень с поверхностью земли, стоят зловонные нечистоты, между которыми виднеются плавающие внутренности и кровь. Все эти нечистоты проведены без разрешения управы в городскую трубу и без фильтра стекают по ней в Москва-реку».

Но богомольцев, падающих на колени перед Иверской часовней, это не смущало.

Главный сад страны

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД создавался с 1819 по 1823 год под руководством архитектора О. И. Бове. Раньше на этом месте текла река Неглинка, загнанная перед разбивкой сада в подземную трубу.

Сад возник, что называется, не от хорошей жизни. Здесь когда-то бодро неслись воды речки под названием Неглинка, в устье которой, собственно, и была заложена Москва.

Именно тут, на берегах Неглинки, проходили весьма колоритные масленичные гулянья. Священники сердились: в масленицу народ безумствует. Действительно, мужчины переодевались в женское, а женщины в мужское. Чтобы казаться пострашнее, многие приделывали ко лбу рога, к тулупам – хвосты, мазали щеки углем и выли не по-человечески.

И пугались иностранные туристы. «Во всю масленицу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство, так что ужасно слышать о том всякому христианину», – писал один из них всего две сотни лет тому назад.

Впрочем, главными на масленицу были все же не «убийства» (под которыми, скорее всего, подразумевались всего-навсего традиционные кулачные бои), а катания. В качестве транспорта годилось все, на чем можно было скатиться: сани, салазки, просто лубки, береста... Реже встречались лыжи и коньки, которые и воспринимались как диковинка.

Речка Неглинка была узенькая, неглубокая, а значит, замерзала очень быстро и крепко. На льду резвились конькобежцы, а салазочники сгали с горки – прямо от зубцов Кремлевской стены. Вокруг же в валяжных санях катались степенные люди.

Среди публики расхаживали разносчики блинов – в теплых тулупах и белых фартуках сверху. Но, как правило, блинами угощались дома – в каждой семье пекли их по своему особому рецепту.

Тут же, на реке Неглинке, носили соломенное чучело – дань языческому происхождению масленицы. Его потом сжигали на костре. Устраивали скоморошеские игры, колядовали. По окончании недели прямо отсюда ездили на кладбище – просить прощения у усопших родственников. У живых людей прощение просили прямо здесь.

Со временем Неглинка обмелела, зацвела и стала заболочиваться. Одна из жительниц Москвы писала: «Около Кремля, где теперь Александровский сад, я застала большие рвы, в которых стояла зеленая вонючая вода, а туда сваливали всякую нечистоту, и сказывают, что после французов в одном из этих рвов долго валялись кипы старых архивных дел из какого-то кремлевского архива».

Все это порядком надоело жителям столицы. И пришлось Осипу Бове, главному архитектору фасадической части Комиссии для строения Москвы, стать садоводом. В результате возник Александровский сад, сразу же пришедшийся по вкусу горожанам. Декабрист и литератор Сергей Глинка рассуждал: «Стены и башни придают новые прелести сей картине. Перед лицом сих древних памятников появляется новый памятник вкуса и образованности. В другом месте были бы сии сады простым английским гульбищем, а здесь сделались они единственными».

И он же посвящал нововведению какие-то немислимые дифирамбы: «Хотя новые Кремлевские сады не предлагают еще тени, но кажется, что сама рука граций устроила их. Тут, как будто бы действием волшебства, тенистое и болотистое место превратилось в очаровательный предел, пленяющий взоры и оживляющий ум приятным развлечением».

Будто бы москвичи ни разу деревьев не видели.

* * *

Впрочем, сад и вправду стал одним из популярнейших мест, предназначенных для праздного времяпровождения. Он был романтичен и таинственен, при этом с легким привкусом порока. Саша Черный писал в одном из стихотворений:

На скамейке в Александровском саду
Котелок склонился к шляпке с какаду:
«Значит, в десять? Меблированные „Русь“...»
Шляпка вздрогнула и пискнула: «Боюсь».

А что же окружало эту парочку? Ну, например, фонтан. Он сохранился и до наших дней, стоит недалеко от Троицкого моста. Но вода давно отключена, вокруг фонтана простенький бордюрный камень, да и вся конструкция теперь напоминает либо вытяжку подземной вентиляции, либо просто пустой постамент. А столетие тому назад фонтан этот был окружен глубокими резервуарами, в которые из фонтанных арочек стекала вода, и москвичи имели счастье наслаждаться тихим, умиротворяющим журчанием. Сооружение было, конечно же, скромнее нынешних произведений г-на Церетели, однако же больше способствовало романтическим мечтаниям и грезам.

Правда, тихое журчание по праздникам и выходным было не слышно – в эти дни внутри грота «Руины» (кстати, выполненного из подлинных обломков статуй и колонн, оставшихся в Москве после разрухи 1812 года) довольно громко играл полковой оркестр.

Время от времени в Александровском саду устраивали впечатляющие шоу. Самым масштабным была знаменитая Политехническая выставка 1872 года, приуроченная к двухсотлетию со дня рождения Петра Великого. Открытие ее было столь важным событием, что Петр Ильич Чайковский специально к нему написал кантату, а городские власти открыли первую конно-железную дорогу и пустили так называемый паровичок, связавший город с селом Петровско-Разумовское.

Целых полгода обыватели тут созерцали достижения прогресса. Всего же у выставки было двадцать шесть разделов, среди которых такие экзотические, как военный, почтовый, морской и кустарной промышленности. Самым интересным оказался технический раздел. Посетители с восторгом наблюдали за работой паровых котлов, газовых ламп, удобных и миниатюрных пишущих машинок – размером всего лишь с простую китайскую горку. Некоторые разделы не смогли разместиться в Александровском саду. Пришлось отвести для них Манеж. При этом посетители входили туда напрямиком из сада, через окна, по особенным помостам.

Впрочем, никто и ничему на выставке не удивлялся.

А по окончании этого полугодового шоу власти приняли решение – создать для увлекательнейших экспонатов сразу два музея – Политехнический и Исторический (что пусть не сразу, но все-таки было сделано). А затейливые павильоны были проданы на дачи, часть из которых еще сохранилась в ближнем Подмосковье.

Впечатляла и так называемая Московская выставка, организованная здесь в 1908 году Лигой обновления флота. Праздные горожане наслаждались прохладительными и бодрящими напитками в буфете, диорамами морских боев и, более всего, аттракционом, несколько напоминающим космический корабль «Буря» в нынешнем парке Горького.

Это был «Туристический вагон Хейла», прибывший к нам из Америки. В арке под Троицким мостом соорудили перрон, возвели небольшой аккуратный вокзальчик, рядышком уложили рельсы, на которые установили настоящий вагон. В здании вокзала посетитель покупал билет, затем шел на перрон, где девушки в тирольском одеянии предлагали ему швейцарский шоколад.

Посетитель забирался в вагон, клал багаж в особые сетки, безмятежно усаживался на диванчик. После третьего звонка в передней стенке раздвигался занавес, обнажался экран,

на который проецировались настоящие виды тирольской железной дороги, ранее снятые с подлинного паровоза на пленку.

В те времена синемаатограф еще только начинал овладевать душами горожан, и потому многие, в испуге позабыв про свой багаж, вскакивали с мест, бросались к двери и кричали:

– Братья православные! Куда ж вы нас везете-то?

Шоу длилось пятнадцать минут, а впечатлений хватало на месяц.

Сам же сад уже в то время был понятием нарицательным. Этаким символом московской праздности. И где-нибудь в Пензе или же в Самаре пожилой раешник выходил со своим ящиком на площадь посреди базара и, собрав плату у зевак, показывал им виды этой достопримечательности, не скупясь на комментарии:

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Александровский сад. Там девушки гуляют в шубках, в юбках и в тряпках, в шляпках, зеленых подкладках, пукли фальшивы, а головы плешивы...

И далее:

– Вот, смотрите в оба, идет парень и его зазноба: надели платья модные да думают, что благородные. Парень сухопарый сюртук где-то старый купил за целковый и кричит, что новый. А зазноба отменная – баба здоровенная, чудо красоты, толщина в три версты, нос в полпуда да глаза просто чудо: один глаз глядит на вас, а другой в Арзамас. Заня-я-ятно!

Обыватели глядели на картинки и хихикали. А сами, разумеется, тайком мечтали скопить денежек, съездить в Москву и пройтись этим далеким, волшебным Александровским садом.

Больше всех этот сад любили, естественно, дети. «Александровский сад, его несхожесть ни с какими московскими скверами. В него сходили – как в пруд. Тенистость его, сырость, глубина. Что-то упоительное было в нем. Особенности дети, с особенными мячиками были там», – вспоминала Анастасия Цветаева.

И сестра ее, Марина, поэтесса, сетовала: «Александровский сад был как праздник. Нас редко водили в Александровский сад».

Особенно же хорошо здесь стало после того, как у кремлевской стены рядом с Боровицкой башней насыпали искусственную горку. Зимой здесь катались на санках, а летом горку брали штурмом, играя в защитников Плевны и Шипки. И городовые не препятствовали, лишь поглядывали подозрительно из-под своих красных фуражек.

* * *

Конечно, случались у сада и черные дни. Некий купец Вишняков, например, вспоминал, что его сильно испортила та же Политехническая выставка 1872 года, «ради которой было вырублено много старых деревьев и кустарников; только часть вырубленного была посажена вновь и не особенно толково».

Да и путеводитель по Москве 1890 года с сожалением сообщал: «Александровский сад... частью запущен и вырублен».

Что ж, Москва в то время не была столицей и за садом не следили так же тщательно, как, например, за Летним садом в Петербурге.

Но главную дозу отдыхающим все-таки составляли не запущенные клумбы, а просто-народе и золоторотцы, обживающие летом молодую травку у кремлевских стен и башен. Один из очевидцев, собиратель городских преданий Е. Баранов, вспоминал: «С утра и до поздней ночи сад оглашался матерной руганью, пьяным завыванием „романсов“, а то и похабных песен, которые пелись нарочито громко, „чтобы все их слышали“, на площадках шла игра в „орлянку“, а на лужайках дулись в карты: „трынку“, „фильку“, „подкидного“ и даже в „банкстон“, т. е. бостон. Игры нередко сопровождалась драками, переходящими в общее побоище».

Конечно, среди этих «постояльцев» попадались и своего рода интеллигентные натуры. Их диалоги иной раз здорово веселили «образованную публику». Стоят, к примеру, пара мужичков перед оградой или памятником и с серьезным видом рассуждают:

– Должно, наполеоновской работы, – говорит один.

– Не без того, – отвечает другой.

То есть два этих московских патриота по крайней мере где-то слышали, что сад имеет некоторое отношение к войне с Наполеоном. Но какое именно – они, разумеется, забыли или же не поняли.

Такие типы не мешали отдыхающим. Напротив, кого-то они забавляли, а кого-то провоцировали на пространнейшую историческую лекцию, которую типы выслушивали с вниманием и благодарностью. Но в основном здесь околачивались граждане, которым не было никакого дела до прошлого своей «квартиры». Так же, как и до других московских обывателей. Иной раз по саду вовсе было не пройти. Добропорядочные граждане не уставали возмущаться:

– День по кабакам шатаются, а спать в Александровский сад идут. Ну иди к стене кремлевской, спи благородно на травке. Только нешто у нас полагается по-хорошему? Это, дескать, не по-настоящему, а надо заорать во все горло, человека обляять и плюхнуться поперек дороги, чтобы проходу не было людям. Он лежит, храпит, а у самого портки худые. Ну какая тут приятность? А скажи – камнем голову проломит.

В наши дни у входа в сад, как правило, дежурят сразу несколько сотрудников милиции. В большом количестве встречаются они и на аллеях, и у входов в Кремль. До революции же все было иначе. Рядом с воротами стояла деревянная избушка сторожа, старательно украшенная всяческими безделушками на древнерусскую тематику, а перед ней гордо возвышался представительный сторож из так называемой инвалидной команды с тупой саблей в руках.

Естественно, что роль этого стража была исключительно декоративной. Он даже в купе с парой-тройкой городских не мог, конечно, навести порядок. Тем не менее в какой-то момент нищие из Александровского сада словно испарились. Молва приписывает этот подвиг полицмейстеру Огареву. Его якобы вызвал к себе генерал-губернатор и закричал:

– Ты только взятки умеешь брать, а за порядком не смотришь. Ты погляди, что делается в Александровском саду. Это не Александровский сад, а Хитровка какая-то.

Огарев тут же помчался в сад, увидел здешнюю «очаровательную» публику и заорал во всю мощь своей глотки:

– Вон, так-растак! Чтобы и духом вашим тут не пахло! Для вас, что ли, тут еще иллюминацию сделали... Так у меня для вашего брата своя, огаревская иллюминация!

И собственноручно начал ставить голодранцам под глазами «фонари». Те испугались и покинули излюбленное место отдыха.

Впрочем, в Александровском саду случались и совсем прискорбные события. Время от времени газеты сообщали москвичам такие новости: «7-го апреля в Александровском саду повесился на дереве городской 2-го квартала Тверской части Антонов, отец большого семейства. Прошное поведение покойного безупречно: водки он не пил. Причиной самоубийства была, вероятно, крайняя бедность. Антонов получал в месяц только пять рублей».

Действительно, в саду довольно часто обнаруживали бедных самоубийц. Кто выпьет нашатырь, кто раствор серы, счищенной со спичек, а кто просто-напросто повесится. Деревьев, несмотря на знаменитую Политехническую выставку, здесь все-таки всегда хватало.

* * *

А после революции в саду произошла истинно детективная история.

3 декабря 1918 года недалеко от нынешней Могилы Неизвестного Солдата был торжественно открыт памятник Робеспьеру работы юной Беатрисы Сандомирской. На церемонии

присутствовал представитель Франции Жак Садуль, который разразился речью (а переводила сама Александра Коллонтай):

– Старая религия учила народ подчиняться и обещала рай на небе. Новая религия коммунизма учит строить рай на земле. Буржуазия всячески старалась унизить истинное значение Французской революции и оклеветать Максимилиана Робеспьера, этого честного и преданного революционера, так же как клеветает сейчас на ваших вождей. Советская Россия ставит памятник Робеспьеру, в то время как во Франции памятника «Неподкупному» нет.

Участники, среди которых был и Тимирязев, с пониманием кивали.

Газета «Правда» сообщала об этом событии: «Стройными рядами заполняют красноармейские полки Александровский сад. Пьедестал памятника обвит гирляндами живых цветов. Величественное, прекрасное зрелище. Торжественная тишина. Памятник окружен стягами и знаменами. Музыка играет „Марсельезу“. Спадает покрывало. К подножию кладут венки хризантем».

В скором времени после открытия Беатриса Сандомирская вдруг получила анонимное письмо: «Большевики долго не продержатся. Запомни – тебе висеть на первом фонаре...»

А 7 ноября скульптуру обнаружили разрушенной. «Северная коммуна» сообщала: «Памятник Робеспьеру в ночь с 6-го на 7-е ноября был уничтожен чьей-то преступной рукой. Фигура Робеспьера, сделанная из бетона, превращена в груды мелких осколков, разбросанных вокруг. Постамент уцелел. На место происшествия поставлен караул и ведется расследование».

Впрочем, другая газета, «Известия ВЦИК», предлагала в ответ свою версию – дескать, памятник разрушился «ввиду неправильного расположения центра тяжести всей фигуры памятника, что было замечено еще при постановке его».

Один из московских обывателей, Николай Окунев, записал злорадно в дневнике: «А „Робеспьер“-то будто бы не взорван, а сам развалился».

Так или иначе, памятник не прожил и недели, а подававшая надежды Беатриса Сандомирская больше не изваяла ни одной значительной скульптуры. Добро хоть осталась жива.

Перед Манежем

МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ была образована в 1937 году на месте снесенных построек Охотного ряда. С 1967 по 1990 год носила название площади 50-летия Октября.

Трудно поверить, но сравнительно недавно здесь вообще не было никакой площади. На этом месте лепилось друг к другу множество домишек, в основном одноэтажных и кургуzych. В них торговали, выпивали, ужинали да и просто жили.

Среди этих отнюдь не роскошных строений выделялись два известных на всю Москву места. Это трактир «Низок», он же «Обжорка», и Лоскутная гостиница.

У первого был профиль юридический. Тут за столами бражничали спившиеся так называемые «аблакаты от Иверской». Они действительно подыскивали клиентуру возле Иверской часовни, здесь же за гроши да за «косушки» водки составляли всевозможные прошения и жалобы. Особым уважением среди них пользовался некий Николай Иванович. Он обслуживал купцов, зажиточных мещан, и навещал его сам знаменитый адвокат Ф. Н. Плевако.

Лоскутная гостиница в те времена располагалась по адресу: Тверская улица, дом №3.

Несмотря на затрапезное название, гостиница слыла роскошной. Один из современников с восторгом вспоминал: «...полутемные коридоры, просторные номера с бархатными шторами и драпировками, мебель красного дерева, самовар на овальном столе, филипповские калачи – и у письменного стола со множеством ящичков молодая, очень привлекательная девушка с милой улыбкой, высоким лбом, над которым, как венец, уложены две туго заплетенные косы».

Этой девушкой была Лариса Рейснер – будущая революционерка, писательница и возлюбленная поэта Николая Гумилева.

Вообще, творческая интеллигенция России любила Лоскутную гостиницу. Здесь, в частности, писатель Андрей Белый впервые встретился со своей будущей спутницей Асей Тургеновой. Здесь Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм устраивала музыкальные концерты (этот своего рода клуб назывался «Дом Песни»). Живал писатель Петр Боборыкин, возмущавшийся распорядком своего соседа – шалого и богемного Леонида Андреева:

– Представьте, я встаю в шесть утра, к девяти поработал уже, а он в девять только возвращается.

Впрочем, иной раз в этой гостинице случались вещи неприятные. Однажды, например, купец Иван Петрович Свешников решил купить у генеральши Марии Степановны Рооп принадлежавший ей довольно большой лес неподалеку от Москвы. Лес был осмотрен, цена согласована, но генеральша все-таки, на всякий случай, решила посоветоваться с мужем Христофором Христофоровичем, находившимся в то время по делам в Москве.

Зная, что супруг обычно останавливается в Лоскутной, г-жа Рооп с г-ном Свешниковым подъехали к гостинице, поднялись на второй этаж, толкнули дверь рооповского номера и оказались в шикарном салоне. Только почему-то всюду, – на диване, в креслах и на столике, – были разбросаны детали явно не мужского туалета. Генерал крикнул из спальни:

– Кто там?

После чего оттуда же, из спальни, выскочила полуодетая француженка и, увидав пришедших, с громким визгом бросилась обратно.

Сделка все же состоялась, но уже без санкции бедного Христофора Христофоровича. После случая в Лоскутной генеральша с мужем развелась.

Эта солидная гостиница, словно магнит, притягивала воров и прочих нечистых на руку людишек. С ними, правда, случались и курьезы. Однажды, например, городовому показался

подозрительным мужчиной, проезжавший ночью на извозчике по улице Тверской с огромным ящиком.

– Что в ящике? – спросил страж порядка, остановив извозчика.

– А я почему знаю? – ответил седок.

После чего сознался, что ящик стоял перед входом в Лоскутную.

Когда ящик вскрыли, в нем обнаружили только осколки стекла (видимо, оставшиеся после разудалого купеческого ужина).

– Честное слово, – заявил воришка, – если бы я знал, что здесь такая дрянь, я бы и трудиться не стал. Я почему-то думал, что в ящике если и не серебро, так по крайней мере мельхиор.

Однако же подобное признание его не оправдало.

А в маленьком безмянном трактирчике на задворках Лоскутной гостиницы собирались здешние книготорговцы. В те времена на нынешней Манежной площади было довольно много букинистов, в основном торгующих учебниками и литографированными конспектами довольно скверного полиграфического качества (сказывалась, разумеется, близость к консерватории и университету). Тут они решали свои незамысловатые дела – обсуждали цены, сплетничали, иной раз обменивались книгами. В этот клуб по интересам с удовольствием ходили начинающие букинисты со всего города Москвы – ведь разомлевшие от водки и разоткровенничавшиеся патриархи иной раз выбалтывали сокровеннейшие тайны ремесла.

Еще на месте нынешней Манежной площади было строение религиозного характера – так называемый дом Единоверческого монастыря. Впрочем, этот дом вошел в историю довольно своеобразно.

Как-то раз веселые ассенизаторы выкачали из тамошней выгребной ямы нечистоты и, расшалившись, стали поливать ими окрестности. Скандал был достаточно крупный. «Когда же наконец прекратятся безобразия этих „золотарей“, а нечистоты, вывозимые ими со дворов домов, не будут выливаться на улицы?» – пользуясь случаем, возмущалась газета «Московский листок».

Увы, на этот риторический вопрос никто не мог ответить.

«Агурцын квас»

МАНЕЖ (второе название – эзерциргауз) был построен в 1817 году в честь пятилетия победы над Наполеоном. Автор проекта – инженер А. А. Бетанкур.

Изначально Манеж был предназначен для проведения воинских учений. В девятнадцатом столетии солдатской жизнью и здоровьем дорожили. В непогоду строевые смотры и занятия непременно проходили в крытом помещении.

Москвичи и гости города охотно наблюдали за происходящим, благо доступ в Манеж даже во время «стратегических мероприятий» был свободен.

Во второй половине девятнадцатого века было опубликовано анонимное произведение под названием «Письмо провинциала о его приключениях в Москве». Посвященная Манежу часть повествовала: «Еще случилось, батюшка, поутру сего дня в сумашедшем доме быть, экрезегаузе на мостовой. Окошек в нем много, ни кроватей, ни столов, ни полок. Я шел мимо и спросил, чей его дом? Мне сказали, по-московски Агурцын квас. Я его не понял, однако догадался, что это сумашедший дом, потому что на эту пору целой полк с ума сошел, ходит по всему дому взад и вперед, ничево не говорят, все застучат ружьями так страшно, другие со шпагами кричат, караул, иные векрючками, то есть, фигот. А один взял боченок, вилочиной с нашу кадушку, да и забавляется, ходит, только колоть по нем палки.

А тут наехали множество господ прибогатеиших, из жалости смотрят на его, а на шляпах-то у них разноцветные ленты раздуваютца (то есть султаны). Я смотрел довольно, жалко мне стало, я ушел».

Что ж, в военных учениях и вправду есть нечто комичное.

Случались в Манеже и конные игрища. При этом иной раз участвовали в них солдаты с офицерами, а иногда и все желающие. Естественно, подобные мероприятия не обходились без несчастных случаев. Один из лесковских героев, известный всем как «очарованный странник», рассказывал:

– В Москве, в манеже один конь был, совсем у всех наездников от рук отбил и изучил, профан, такую манеру, чтобы за колени седока есть. Просто, как черт, схватит зубищами, так всю коленную чашку и вышелушит. От него много людей погибло. Тогда в Москву англичанин Рарей приезжал, – «бешеный усмиритель» он назывался, – так она, эта подлая лошадь, даже и его чуть не съела, а в позор она его все-таки привела; но он тем от нее только и уцелел, что, говорят, стальной наколенник имел, так что она его хотя и ела за ногу, но не могла прокусить и сбросила; а то бы ему смерть.

Однако же с годами Манеж превращался больше в место для культурных мероприятий, нежели для военных и спортивных. К примеру, в 1867 году здесь состоялось знаменательное для российской музыкальной культуры событие, никак не относящееся к главным функциям Манежа – концерт Гектора Берлиоза, прибывшего с гастролью в Россию.

Берлиоз был принят на ура. Один из слушателей восхищался: «В голове полнейший сумбур – сумбур восторга. Представь себе зрелище. Маститый, убеленный сединами старец, с потухшими очами и неверностью движений, занял место в оркестре. С немалым трудом вскинул он палочку и, будто по ее мановению, превратился в юношу, страстного и нежного, меланхолического и восторженного разом. Только что в его сухощавой согбенной фигуре была одна слабость лет и недуга, и вот уже она стала гибкостью и силой молодости. Поразительная метаморфоза творчества! Человечность и доброта – к ближнему, к людям, к миру – это и есть сила великого француза. Его страсти человечны, а человечность чутка и страстна».

Сам Берлиоз был поражен

успехом. Он писал на родину: «Я просто не знал, куда деваться. Это самое сильное, самое громадное впечатление, которое я только произвел за свою жизнь».

Впрочем, отчасти дело было в том, что в Западной Европе «убеленный сединами старец» начал потихоньку выходить из моды, вытесняемый более молодыми композиторами. В нашей же «большой деревне» он пришелся весьма кстати.

Ближе к концу позапрошлого столетия здесь начали устраивать праздничные увеселения – действия, до того происходившие только на площадях. Например, перед Пасхой здесь шли выступления цыганского, венгерского и русского хоров, а также вольного оркестра терских казаков. Сами братья Дуровы – клоуны Анатолий и Владимир – не гнушались демонстрировать здесь своих дрессированных собачек. Очаровывали зрителей и фокусники.

По бокам же стояли киоски со всякими благотворительными лотереями. Это когда за тысячу рублей какой-нибудь богач с огромной радостью выигрывал дешевенькую, плохонькую вазочку. Деньги же шли на помощь инвалидам, сиротам и вдовам.

Впрочем, неизвестно, доходили эти средства до несчастных полностью или сильно урезались.

На таких гуляньях в ходу были розыгрыши, и притом достаточно жестокие. Однажды, например, некто Н. Соедов, редактор журнала «Развлечения», выиграл дюжину вовсе ненужных ему мельхиоровых ложек. Увидев своего коллегу, редактора «Московского листка» г-на Пастухова, он незаметно подложил тому в карман пальто одну из ложек и завел с жертвой невинный разговор. В какой-то момент Пастухов вдруг нащупал в кармане злосчастную ложку, протянул столовый прибор собеседнику и в растерянности произнес:

– Коля, а ведь я ложку украл! Снеси-ка ее в буфет.

Тот согласился, но при этом подложил в карман жертве вторую ложку. И когда вернулся, Пастухов сказал ему:

– Снес? А вот у меня другая ложка. Стало быть, я две стащил. Снеси-ка.

Соедов повторил маневр. Вернувшись, он обнаружил Пастухова совсем в жутком состоянии. Тот крутил в руках очередную ложку и при этом бормотал:

– Откуда же она? Ведь это третья... Ничего не понимаю... Возьми, отнеси. Впрочем, пойдем, я сам отдам.

После чего была подложена и четвертая ложка. И спустя некоторое время Пастухов вдруг тихо произнес:

– Коля, ущипни меня за ухо. Ну, за руку. Возьми. Ущипни. Жив я или нет? Жив... Только ничего не понимаю. Ты знаешь, что у меня в руке? Боюсь посмотреть, а чувствую. Опять она...

С далеко уже не молодым Пастуховым чуть не приключился сердечный удар.

В 1899 году в Манеже состоялось бесподобнейшее зрелище – карнавал клуба циклистов «Москва». Циклистами в те времена называли любителей велосипедного спорта. Сам же спорт был в диковинку, да и велосипед смотрелся более торжественно и живописно – чуть ли не двухметровое переднее и маленькое заднее колесико.

Словом, карнавальное зрелище сделалось едва ли не главным событием года. Сохранился газетный отчет об этом мероприятии: «Карнавал начался общим выездом всех костюмированных. Последних оказалось значительное количество.

Среди обычных маскарадных костюмов попадались и такие, которые обращали на себя внимание публики. К числу таких следует отнести: «Старый год и Новый год» (г. Докучаев с трехлетним ребенком), «Водяной и русалка» (гг. Сухонины), «Английская каретка» (гг. Шиллер), «Русская тройка» (гг. Долинин, Богачев, Царьков и m-me NN), «Елка и Демон». Циклисты отдали вчера дань и «злобе дня»: некоторые из велосипедистов вырядились «бурами» и «англичанами», другие изображали собою «мулов, зачинщиков бегства англичан при Гленкэ» (гг. Симагин и Заемщиков) и т. п. Наряду с изящными и оригинальными костюмами раскатывали по манежу и целые сооружения с большой претензией на остроумие и оригиналь-

ность. Такими претенциозными костюмами можно назвать «Цветочную беседку» (г. Райбль), «Кассу клуба циклистов «Москва» (г. Петцман), «Походную мастерскую гонки «Москва – Петербург» (г. Пашков).

Победили же «Английская каретка», «Каретка Красного Креста» и «Мулы»».

Кстати, здесь же обучали и искусству управления велосипедом. Среди учеников был престарелый Лев Толстой. Нельзя сказать, чтобы это искусство ему очень уж давалась. Особенно мешала одна дама, тоже из учащихся. Лев Николаевич сетовал: «У нее шляпа с перьями, и стоит мне взглянуть, как они кольшутся, я чувствую – мой велосипед неотвратимо направляется к ней. Дама издает пронзительные крики и пытается от меня удрать, но – тщетно. Если я не успеваю соскочить с велосипеда, я неизбежно на нее налетаю и опрокидываю ее. Со мной это случалось уже несколько раз. Теперь я стараюсь посещать манеж в часы, когда, я надеюсь, ее там нет».

И, по обыкновению, делал философский вывод – дескать, почти неизбежен закон, по которому именно то, чего мы избегаем, нас, как правило, притягивает более всего.

Но особенную славу наш Манеж снискал как выставочный зал. В этом качестве он использовался еще задолго до советской власти.

В 1831 году здесь выставили модель чугунного моста через Москву-реку невиданной конструкции.

В 1852 году тут проходила сельскохозяйственная выставка, которую даже изобразили на гравюре под названием «Вид выставки сельских произведений в московском экзерциргаузе».

В 1862 году в Манеже проходила выставка одежды, утвари и ремесел народов, населяющих Россию.

Затем в 1872 году здесь же прошла этнографическая выставка, для которой специально были изготовлены невиданные раньше экспонаты – манекены. Делали их из дерева, лица раскрашивали розовыми красками, вставляли желтые глаза. Одежда же использовалась подлинная – манекены наряжали в настоящие татарские, поморские, чукотские костюмы.

А в начале двадцатого века здесь же прошла Первая международная выставка автомобилей и велосипедов – два эти вида транспорта возникли приблизительно одновременно и примерно в равной степени служили символом прогресса.

На одной же из собачьих выставок (проходили тут и такие) всех поразил купец Михаил Хлудов. Он сидел в центре манежа в клетке вместе с дрессированной тигрицей Машкой. Для развлечения Хлудов пил стаканами коньяк (стакан у него, кстати, был серебряный), а Машка била хвостом о прутья клетки. Голова же тигрицы лежала на коленях хозяина.

А в самом конце девятнадцатого века состоялось покушение на экспонаты одной из выставок. «Московский листок» сообщал: «Третьего дня, ночью, через открытое окно, по подставной лестнице, проникли в городской манеж, где находится цветочная выставка г. Золотарского, два мальчика, одетые в костюмы рукавишниковского исправительного приюта, и спрятались под террасу военного оркестра, а по окончании гулянья пробрались в павильон аллегри от детских приютов, сорвали одну доску с ценными вещами и скрылись тем же путем, как и влезли.

Вчера, при участии чиновника детских приютов, одним из агентов сыскной полиции часть похищенных вещей найдена у одного из приказчиков гробовщика, живущего где-то на Сретенке, а остальные вещи оказались под упомянутой террасой».

Словом, цветоводу Золотарскому оставалось только поблагодарить налетчиков. Урона никакого, а рекламу создали. Ведь без этой крохотной заметки многие москвичи и не узнали бы, что именно проходит в эти дни в Манеже.

«И звучит оркестрион»

ГОСТИНИЦА «МОСКВА» была построена в 1936 году по проекту архитектора А. В. Щусева. Ранее на этом месте стоял ряд знаменитых московских трактиров.

Разглядывая фасад гостиницы «Москва», можно предаться фантазиям. О том, сколько различных баров и кафе находится на этажах, о том, как скромные командировочные пьют в них по ночам русскую водку под салатик оливье, о том, какие сумасшедшие деньжищи они за эту водку платят. Все-таки отель в центре Москвы. Дешевый общепит здесь неуместен.

Но гораздо интереснее пофантазировать на несколько иную тему. О том, что было на этом месте во времена дореволюционные. Тем более, что фантазировать и вовсе не надо. Достаточно воспользоваться сохранившимися документами.

Некогда территория, сегодня занятая под гостиницу, была застроена лавками и трактирами. Самый же знаменитый из трактиров располагался чуть дальше от Тверской, ближе к нынешнему памятнику Марксу. Это был известный Тестовский трактир, возникший в 1868 году. Правда, официально он назывался Патрикеевским, поскольку находился в доме знатного миллионера Патрикеева.

Тестов же всего-навсего арендовал эту недвижимость. В какой-то степени благодаря тому, что подольстился к жадному до славы Патрикееву и вывесил над входом крупнейший плакат: «Большой Патрикеевский трактир». А снизу скромно приписал: «И. Тестов».

Фирма делалась все более и более известной, и спустя десятилетие разбогатевший Тестов прибавил к своей вывеске российский герб и надпись, – самую престижную из всех возможных, мечту каждого дореволюционного предпринимателя, – «Поставщик Высочайшего двора». Значит, сам государь-батюшка не брезговал отведать тестовского расстегайчика. А ближайшие царевы родственники не брезговали лично посетить тестовские владения. Как правило, перед визитом высочайших едоков швейцар от Тестова бежал на площадь, к будочнику:

– Гони своих «канатных» под китайскую стену – начальство наехало!

«Канатными» в то время называли проститутток, выскивавших клиентуру у канатов, ограживающих огромный плац перед Большим театром.

К Тестову любил заходить брат Александра Третьего Владимир Александрович. Однажды это даже вылилось в курьез. Как-то раз великий князь Владимир приехал в маленький город Боровичи. А тамошний купец, заранее прознав об этом, выписал из Москвы одного из лучших тестовских поваров, который, зная вкусы постоянного клиента, приготовил соответствующее угощение.

После обеда гость задал хозяину вопрос:

– Скажите, почтенный, как вы узнали все кушанья, которые я особенно люблю?

– Господь Бог надоумил, ваше императорское высочество, – смиренно ответил хозяин.

– Ну, – недоверчиво протянул Владимир Александрович, – я полагаю, что у Господа Бога есть заботы поважнее и ему некогда заказывать для меня обеды.

Естественно, что у купца после такого поворота душа, что называется, скакнула в пятки. Но, впрочем, обошлось без строгостей – очень уж понравился царскому брату обед.

Тестовский трактир был всенародным в самом широком смысле слова. Поутру сюда слетались «жаворонки» – купцы, любители гонять с утра чаек из блюдечка. Затем приходили чиновники. Следом – интеллигенция. А поздним вечером и ночью тестовские залы заполнялись театрами. Благо рядом и Большой, и Малый, и Манеж, и Благородное собрание.

В конце лета, когда помещики везли в Москву на обучение своих детишек, здесь по традиции устраивали семейные обеды. Иной раз забегали сюда даже гимназисты. К примеру, Брю-

сов вспоминал, что в день открытия памятника героям Плевны он, удрав из гимназии, смотрел торжества, а потом ел расстегаи у Тестова.

Состоял трактир из кабинетов и двух огромных залов. В них, как правило, устраивали всякие банкеты, но некоторые любители скопления народа предпочитали кабинетам места в общих залах. А многие известные и, разумеется, богатые клиенты имели тут свои столы. За них никто не смел садиться, но правило срабатывало лишь в определенные часы обеда или завтрака. В другое время эти столы были доступны каждому желающему.

Главной же достопримечательностью тестовского заведения был дорогой оркестрион, или «машина». Стоил он невиданную сумму – 12 тысяч рублей и, по заказу публики, играл практически любую музыку, в том числе классику. Его воспевали даже в стихах:

Вина крепки, блюда вкусны
И звучит оркестрион, на котором:
Мейербер, Обер, Гуно,
Штраус дивный и Россини
Приютились давно.

Из еды же более всего пользовались спросом тестовские поросята. Выращивали их на специальной ферме, каждого – в особом чистеньком пенальчике со специальными перегородками, чтобы поросенок «с жирку не сбрыкнул». Их кормили преимущественно творогом, а после, розовых и нежных, везли в Москву и подавали с кашей. Те поросята почитались как одна из главных достопримечательностей Москвы, вместе с Царь-пушкой и Василием Блаженным.

Славилась и гурьевская каша с фруктами, и суп из раков с расстегаями, и ботвинья с белорыбицей. А иные обязательно заказывали кулебяку в двенадцать этажей, каждый этаж – с особенной начинкой. Были в ходу и расстегаи с рыбой. Идет половой с подносом расстегаев, а за ним тянется рыбный дух.

Из напитков же все больше шла смирновка. Ее подавали в специальных ведерках, во льду.

Владимир Гиляровский описал «простой» обед у Тестова, в котором ему как-то довелось участвовать: «Моментально на столе выстроились холодная смирновка во льду, английская горькая, шустовская рябиновка и портвейн Лева №50 рядом с бутылкой пикона. Еще двое пронесли два окорока провесной, нарезанной прозрачно-розовыми, бумажной толщины, ломтиками. Еще поднос, на нем тыква с огурцами, жареные мозги дымились на черном хлебе и два серебряных жбана с серой зернистой и блестяще-черной ачуевской паюсной икрой. Неслышно вырос Кузьма с блюдом семги, украшенной угольниками лимона.

Начали попервоначалу «под селедочку»...

Потом под икру ачуевскую, потом под зернистую с крошечным расстегаем из налимьих печенок, по рюмке сперва белой холодной смирновки со льдом, а потом ее же, подкрашенной пикончиком, выпили английской под мозги и зубровки под салат оливье...

После каждой рюмки тарелочки из-под закуски сменялись новыми...

Кузьма резал дымящийся окорок, подручные черпали серебряными ложками зернистую икру и раскладывали по тарелочкам. Розовая семга сменялась янтарным балыком... Выпили по стопке эля «для осадки». Постепенно закуски исчезали, и на месте их засверкали дорогого фарфора тарелки и серебро ложек и вилок, а на соседнем столе курилась селянка и розовели круглые расстегаи.

– Селяночки-с!..

И Кузьма перебросил на левое плечо салфетку, взял вилку и ножик, подвинул к себе расстегай, взмахнул пухлыми белыми руками, как голубь крыльями, моментально и беззвучно

обратил рядом быстрых взмахов расстегай в десятки узких ломтиков, разбежавшихся от цельного куска серой налимьей печенки на середине к толстым зарумяненным краям пирога».

Особенно же колоритным едоком считался миллионер Иван Васильевич Чижов. Его ежедневное меню было таким: порция осетра или белуги, икра, две тарелки ракового супа (иной раз он заменялся рыбной или же какой другой селянкой с расстегаями или же кулебякой в двенадцать этажей), жареный поросенок (заменялся иногда приличной порцией телятины или же рыбы), а на десерт – большую сковородку сладкой гурьевской каши. Сопровождался тот обед вином и, вместе с перерывами на дрему между блюдами, занимал около двух часов.

Впрочем, не все в этом трактире было благостно. Иной раз не обходилось без курьезов. Здесь, например, служил известный половой Иван Селедкин. Он, в первую очередь, славился своей патологической обидчивостью. Каждый раз, когда кто-нибудь из гостей заказывал селедку, половой проявлял недовольство.

Как-то у Тестова обедал один высокопоставленный жандармский генерал. Генерал сделал заказ и, когда его половой уже направился на кухню, напутствовал его:

– Селедку не забудь, селедку!

По случайности как раз в этот момент в зал заходил Селедкин. Не разобравшись в ситуации, он гневно выкрикнул:

– Я тебе, мерзавец, дам селедку! А по морде хочешь?

Лишь чудом удалось умять этот скандал.

Многие известные люди, приезжая в Первопрестольную, первым делом отправлялись в Тестовский трактир. Например, писатель Федор Достоевский. Его супруга вспоминала, как они, после прогулок, «усталые и проголодавшиеся, обычно ехали завтракать к Тестову. Муж любил русскую кухню и нарочно заказывал для меня, петербургской жительницы, местные блюда, вроде московской селянки, расстегаев, подовых пирожков...»

Редактор популярного «Московского листка» Н. Пастухов, обедая, просматривал «Новости дня», издание конкурента Липскерова, и, тыкая в рекламу некоего портного Мандля, с презрением пояснял:

– Штанами плотють!

Здесь преподаватели консерватории торжественно отпраздновали первый выпуск, а знаменитый фабрикант Савва Морозов не гнушался приводить сюда с собою всяких подозрительных господ. К примеру, начинающего литератора Максима Горького. Да еще и громко, на весь зал, расхваливать его:

– Я поклонник ваш... Привлекает меня ваша актуальность. Для нас, русских, особенно важно волевое начало и все, что возбуждает его.

Неудивительно, что Тестовский трактир вошел в литературу. Например, «московский Гамлет» из рассказа Чехова «В Москве», нисколько не смущаясь, исповедовался: «Я от утра до вечера жру в трактире Тестова и сам не знаю, для чего жру». Да и Михаил Аверьяныч, почтмейстер из «Палаты №6» того же автора, не брезговал известнейшим трактиром. Как-то раз, зайдя туда вместе со своим другом доктором, он «долго смотрел в меню, разглаживая бакены, и сказал тоном гурмана, привыкшего чувствовать себя в ресторанах как дома:

– Посмотрим, чем вы сегодня нас покормите, ангел!»

Увы, как редкостный и уникальнейший московский феномен Тестовский трактир погиб еще до революции. Владимир Гиляровский сетовал: «Во время японской войны большинство трактиров стало называться ресторанами, и даже исконный Тестовский трактир переименовал вывеску: Ресторан Тестова.

От трактира Тестова осталась только в двух-трех залах старинная мебель, а все остальное и не узнаешь. Даже стены другие стали!

Старые москвичи-гурманы перестали ходить к Тестову. Приезжие купцы, не бывавшие несколько лет в Москве, не узнавали трактира. Первым делом – декадентская картина на зер-

кальном окне вестибюля... В большом зале – модернистская мебель, на которую десятипудовому купчине и сесть боязно.

Приезжие идут во второй зал, низенький, с широкими дубовыми креслами. Занимают любимый стол, к которому привыкли, располагаясь на разлзтых диванах».

Впрочем, и в этом зале посетителей преследовала череда чернейших разочарований. Половой, оказывается, не половой, а этакий официант, притом не из Владимирской губернии (откуда по традиции в Москву съезжались представители этого промысла), а из Московской. Да и тот гостей не потчует – дескать, у нас теперь на это есть метрдотель. А метрдотель какой-то странный – смотрит в сторону, бубнит какие-то невероятные слова:

– Филе из куропатки... Шоффрау, соус провансаль... Беф бруи... Филе портюгез... Пудинг дипломат... Шашлык по-кавказски из английской баранины.

А вместо известного оркестриона был нанят румынский оркестр.

* * *

Ближе к Тверской, со стороны Воскресенских ворот, находился, можно сказать, предок нынешней гостиницы «Москва» – Большая Московская гостиница с одноименным трактиром. Она была построена в 1879 году на месте столь же знаменитого Гуриного трактира. Впрочем, слава этого, по словам П. Д. Боборыкина, «длинного замшаренного двухэтажного здания» была относительной. Один из современников, юрист Н. В. Давыдов, так описывал его: «Довольно грязная, отдававшая затхлым, лестница, с плохим, узким ковром и обтянутыми красным сукном перилами, вела во второй этаж, где была раздевальня и в первой же комнате прилавок с водкой и довольно невзрачной закуской, а за прилавком возвышался громадный шкаф с посудой; следующая комната – зала была сплошь уставлена в несколько линий диванчиками и столиками, за которыми можно было устроиться вчетвером; в глубине залы стоял громоздкий орган – оркестрион и имелась дверь в коридор с отдельными кабинетами, то есть просто большими комнатами со столом посредине и фортепиано... Все это было отделано очень просто, без ковров, занавесей и т. п., но содержалось достаточно чисто. Про тогдашние трактиры можно было сказать, что они „красны не углами, а пирогами“. У Гурина были интересные серебряные, иные позолоченные, жбаны и чаны, в которых подавался квас и бывшее когда-то в ходу „лампопо“ (то есть невероятная смесь всяческих алкогольных напитков, своего рода коктейль. – АМ.)».

«Поел у Гурина пресловутой утки с груздями, заболел и еду в деревню», – рассказывал один из героев Лескова. Но подобное и, в общем-то, вполне реальное развитие событий не останавливало гостей города, особенно предпринимателей. Один из современников писал: «Для иногороднего коммерсанта побывать в Москве и не зайти к Гурину было все равно что побывать в Риме и не видеть папы».

Затем на месте этого трактира купец Карзинкин выстроил новое предприятие – Большую Московскую гостиницу. И придумал потрясающий рекламный ход – установил в трактире при гостинице собственный стол, где на глазах у посетителей питался сам и угощал приятелей. Москвичи посмеивались:

– Лучший потребитель ресторана – сам хозяин.

Но при этом сами охотно ужинали и обедали в Большом Московском.

Публицист П. Вистенгоф писал: «Тут половые имеют какую-то особенную расторопность и услужливость; закуски к водке подают столько, что при безденежье можно, выпивши несколько рюмок, утолить голод одной закуской и быть, понимаете, так сказать, навеселе, не тратя много денег, притом с постоянных посетителей ничего не берется за табак».

Но, разумеется, не только это привлекало посетителей.

Здесь любили бывать Петр Ильич Чайковский и Антон Павлович Чехов. Здесь играл шумную свадьбу Алексей Бахрушин – купец и основатель театрального музея. Здесь постоян-

ным посетителям вручали стихотворные открытки с праздничными поздравлениями. Например, с такими:

С неделей Сырной поздравляем
Мы дорогих своих гостей
И от души им всем желаем
Попировать повеселей.
Теперь, забыв тоску, гуляет
Весь православный русский мир, —
С почтеньем публику встречает
Большой Московский наш трактир.

А как-то раз сюда вошел Шаляпин и, будучи в отличном настроении, с порога начал подпевать оркестру. Ясное дело, он своим невообразимым голосом сразу перекрыл тех, кто стоял на сцене, и, к удовольствию публики, повел сольную партию.

Пели и пили до утра. После чего Шаляпин обратился к Бунину, также участвовавшему в том безумном кутеже:

– Думаю, Ванюша, что ты очень выпимши, и потому решил поднять тебя в твой номер на собственных плечах, ибо лифт не действует уже.

– Не забывай, – ответил Бунин, – что я живу на пятом этаже и не так мал.

– Ничего, милый, – ответил Шаляпин. – Как-нибудь донесу!

И, разумеется, донес, хотя смущенный Бунин всячески старался отбиваться от шаляпинских ручищ.

Сам же писатель просто обожал этот трактир. Один из его героев воцарился: «В Большом Московском блещут люстры, разливается струнная музыка, и вот он, кинув меховое пальто на руки швейцарам, вытирая платком мокрые от снега усы, привычно, бодро входит по красному ковру в нагретую людную залу, в говор, в запах кушаний и папирос, в суету лакеев и все покрывающие, то распутно-томные, то залихватски-бурные струнные волны».

А в другом рассказе тот же Бунин смаковал: «По случаю праздника в Большом Московском было пусто и прохладно. Мы прошли старый зал, бледно освещенный серым морозным днем, и приостановились в дверях нового, выбирая, где поуютней сесть, оглядывая столы, только что покрытые белоснежными тугими скатертями. Сияющий чистотой и любезностью распорядитель сделал скромный и изысканный жест в дальний угол, к круглому столу перед полукруглым диваном. Пошли туда...

И через минуту появились перед нами рюмки и фужеры, бутылки с разноцветными водками, розовая семга, смугло-телесный балык, блюдо с раскрытыми на ледяных осколках раковинами, оранжевый квадрат честера, черная блестящая глыба паюсной икры, белый и потный от холода ушат с шампанским... Начали с перцовки».

Кстати, от такого «наследия прошлого», как «машина», или же оркестрион, новый владелец решил не отказываться.

* * *

А с противоположной стороны, ближе к Пушкинской площади, стоял еще один довольно колоритный, Егоровский трактир. Невысокое здание, у входа – огромный швейцар в треуголке.

Сам Егор Константинович Егоров был старообрядцем, и это обстоятельство, конечно, отразилось как в интерьерах, так и в правилах этого заведения. Всюду развешены иконы, множество сортов «трезвого напитка» – чаю, полный запрет на курение и какие-то особо вкусные блины. Их пек известный в Москве блинник по фамилии Воронин, а подавали этот замечательный деликатес с хорошо замороженным шампанским.

Трактир славился двумя сотрудниками – Петром Кирилловичем и Козлом. Первый самым виртуозным образом умел обсчитывать клиентов. Выпил посетитель, например, три рюмки водки и съел три пирожка. За все он должен 60 копеек. Однако же Петр Кириллович подходит и заводит странную скороговорку:

– С вас-с... вот, извольте видеть... По рюмочке три рюмочки, по гривенничку три гривенничка – тридцать, три пирожка по гривенничку – тридцать, три рюмочки тридцать. Папиросок не изволили спрашивать? Два рубля тридцать.

Посетитель недоумевает, а Петр Кириллович ему втолковывает дальше:

– Да как же-с? Водку кушали, пирожки кушали, папирос, сигар не спрашивали... По рюмочке три рюмочки, по гривеннику три гривенника – тридцать, три пирожка – тридцать. По гривеннику три гривенника, по рюмочке три рюмочки, да три пирожка – тридцать. Папиросочек-сигарочек не спрашивали – два рубля тридцать.

Многие и вправду не выдерживали и платили.

Второй, как и хозяин, из старообрядцев, носил кличку Козел за большую седую козлиную бороду. Над ним иной раз издевались подвыпившие посетители. Они ставили на середину стола бумажный пакетик, а когда Козел, принесший кушанья, пытался сдвинуть его в сторону, то обнаруживалось, что внутри лежит игрушка, козлик. Половой хватал этого козлика, скверно ругался и швырял его об пол. А впрочем, если козлик был поделкой дорогой, его ждала иная участь – тот же половой, все с той же руганью утаскивал игрушку.

Видимо, под старость у Козла скопилась яркая коллекция своих прообразов.

Это заведение было особо популярным у купечества. Один из них, предприниматель П. Медведев, вел в 1859 году дневник. Вот что мы можем в этом документе прочесть:

«28 января.

...Иван А. Свешников пригласил, и я обрадовался, как будто какому кладу. Пошли в Егоров. Слово за слово, судили-рядили про дела, про себя, да касалось и до людей. Рюмка за рюмкой, в голове зашумело, ну и ври что попало, а там шампанского. Напился я до положения риз, а он, кажется, равно пил, но все-таки довольно тверд. Кое-как я доехал до дома и лег на кровать, как говорится, лыком не вяжет, мертвецки пьян. Вот и поди смотри на себя. Стараюсь исправиться, и сколько даю себе обещания не быть пьяным, а ежели пить, то пить разумно, но никак не могу удержать себя; к тому же и страсти не имею к вину, а с людьми и за компанию налижусь – вот слабость характера. И не хочется, и не по комплекции, и нездоровится, и трата денег, а все пью.

29 января.

Поутру проснулся в шесть. Голова больна, сердце ноет, и таково стыдно самого себя – при моих-то летах и при моем положении так делать, стыдно очень! А поди, иногда читаю другим проповеди, чтобы жить лучше, фу, какая гадость!»

Словом, строгости старообрядца Егорова не останавливали посетителей от обычного в подобных случаях поведения и результата.

* * *

Перед Великой Отечественной войной на месте этих трех трактиров возвели гостиницу «Москва». Газеты ликовали: «В величественном здании открывшейся гостиницы... нетрудно увидеть строительную культуру нашего метрополитена. Она сказывается в архитектурном размахе и просторе помещений, в бытовых удобствах, которые найдет в гостинице приезжий, в щедрой облицовке мрамором фасада, лестниц, колонн и комнат. Вестибюли и комнаты этого здания украсят картины, гравюры, панно и скульптуры лучших наших художников».

Кстати, существует занятная версия того, почему левая и правая части фасадов гостиницы – разные. Якобы Сталину принесли на подпись чертеж, на котором было два варианта – один слева, а другой справа. Великий вождь же куда-то торопился и, не вникая, подмахнул

весь чертеж целиком. Не посмели послушаться и сделали то, что мы все видели до недавних пор – пока гостиница была жива.

Случай очень напоминает историю с Николаем Первым, который подобным образом прочертил траекторию железной дороги Москва – Петербург: взял линейку и провел прямую линию. При этом карандаш задел за палец, и подданные государя императора, которые и в мыслях не могли его послушаться, так и проложили новую железную дорогу – с загогулиной. Как известно, всякий уважающий себя историк может показать на карте эту загогулину. Каждый – свою.

А в двадцать первом веке в невозвратном прошлом оказались не только старые дореволюционные трактиры, но и некогда популярное кафе «Огни Москвы», располагавшееся на пятнадцатом этаже гостиницы, из окон которого открывался потрясающий вид на Манеж и на Кремль. И, наверное, пора уже с тихим восторгом вспоминать о блюдах, подаваемых там двадцать лет назад. Документы ведь сохранились. Путеводители по социалистической Москве расхваливали, например, сельдь «Олимпийскую» – с картошкой, луком, майонезом, огурцом, сметаной и яйцом. А также рыбные котлеты, торты «Славянка», «Сувенир».

И в этом, пусть не слишком отдаленном прошлом можно также усмотреть свое очарование.

Мясное княжество

ОХОТНЫЙ РЯД – улица между Театральной и Манежной площадями. До 1990 года была частью проспекта Маркса, с 1933 по 1955 год носила название площадь Охотного ряда, ранее называлась Охотнорядской площадью.

Собственно площадью Охотный ряд никогда не был. Даже в наши дни, когда этот кусочек города, ограниченный гостиницей «Москва», зданием Думы, Тверской улицей и Театральной площадью, имеет ширину почти что равную длине, он все равно не площадь, а часть магистрали. По нему едут машины – только в одну сторону.

А до революции свободного пространства здесь вообще почти не наблюдалось. Все было застроено одноэтажными деревянными домишками. Дома в два этажа, а также сделанные из иных материалов тут почти не попадались.

Охотный ряд возник в 1737 году, когда сюда перевели часть продуктовых лавок с нынешней Манежной площади. Тогда же появилось и название, раскрывающее специализацию этого рынка. Торговали здесь так называемой убоиной.

С легкой руки Гиляровского к Охотному ряду пристало не слишком приятное прозвище – «Чрево Москвы». Владимир Алексеевич был недоволен. Дескать, тут из подвалов тянуло тухлятиной, надоедали приказчики «в засаленных долгополых поддевках и заскорузлых фартуках», а ножи там чистили лишь раз на дню. Опять-таки обвес, обсчет и прочие традиционные явления русской торговли.

Городские власти иногда предпринимали санитарные осмотры. Что ж, они только подтверждали наблюдения Гиляровского: «14 августа полицией 2-го участка Тверской части совместно с врачом и торговым смотрителем в охотном ряду был произведен осмотр... лавок... Во всех этих лавках полки найдены в грязном виде, крючья, на которых вешается провизия, не вылужены, стены и потолок не выбелены, полы загрязнены, „стулья“, на которых рубят говядину, и фартуки рабочих также покрыты грязью».

Иной раз дело обстояло даже так: «Начиная с лестниц, ведущих в палатки, полы и клетки содержатся крайне небрежно, помет не вывозится, всюду запекшаяся кровь, которою пропитаны стены лавок, не окрашенных, как бы следовало по санитарным условиям... всюду набросан сор, перья, рогожа, мочала...»

Словом, дух захватывает от ужаса.

Однако сам Владимир Алексеевич время от времени сбивался с обличительного пафоса. И проговаривался: дескать, по результатам сих проверок охотнорядцев очень даже ощутимо штрафовали, а против крыс использовали средство радикальное – котов и даже специальных фокстерьеров-крысоловов. Да и вряд ли, окажись прав Гиляровский, главными клиентами охотнорядских лавок были бы «повара лучших трактиров и ресторанов, а затем повара барские и купеческие, хозяйки-купчихи и кухарки».

Значит, обстояло все не так уж плохо.

Охотный ряд был в некоторой степени сезонным рынком. Вот как он выглядел сразу же после Масленицы: «Великий пост. Мама и я ходим из лавки в лавку в рыбном ряду. Это – Охотный ряд. В огромном чану – рыбы. Серебристой россыпью заиндевелой мелочи искрятся крошечные снетки. Весело и людно кругом. Сверкает снег, как на картинке с Дедом Морозом. Пахнет сайками и блинами. На салазках – опарницы, бутылки: квасы, сбитень...»

Это воспоминания Анастасии Цветаевой, сестры поэтессы Марины Цветаевой. Она не замечала разбросанных в подсобках «сора, перьев и рогож», а видела тут великопостную сказку.

Великий пост – время духовных, большей частью скорбных размышлений. Того нельзя и этого нельзя. Однако люди умудрялись даже в это время сделать себе праздник, ничуть не нарушая христианских заповедей. Как говорится, естество свое берет.

На великопостный рынок отправлялась вся Москва. Он не умещался в Охотном ряду и иной раз доходил до берегов речки Яузы. В лавках, конечно, ничего скоромного. Зато одних баранок сколько – сахарные, горчичные, анисовые, маковые, соленые, лимонные, шафранные, изюмные... Десятки всяческих сортов. Их вязали в связки и задирали на высокие шесты, чтобы не украл какой-нибудь несовершеннолетний хулиган. Зато в открытом небе на баранки нападали голуби.

Уйма всяких квасов – хлебный, солодовый, бражный, кислочейный (сильногазированный), изюмный, имбирный, грушевый. А если кто замерз – тот пил горячий сбитень. Прямо тут, на улице. К сбитню – постные блины, с икрой и с луком.

Больше всего постный праздник ощущался в медовом ряду. Там даже дух стоял церковный – пахло воском. Но тем не менее и тут разнообразие: мед малиновый, гречишный, вересковый, липовый... Такое же обилие было у рыбников, у грибников, у мастеров солить капусту.

Но с наступлением Великой субботы ассортимент изменялся. Павел Вистенгоф писал: «В Охотном ряду расставлены куличи, пасхи и красные яйца; туда стекаются хозяйки, дворецкие, повара и кухарки. Кто бежит и несет ногу копченой ветчины, кто тащится, едва передвигаясь под тяжестью нагруженных кульков, из которых торчит и нос испуганного петуха, и печальное рыло поросенка, производящего по улицам пронзительный визг, как бы от предчувствия, что ему не миновать беды».

Торговцы потешали посетителей разными ухищрениями. Как-то на одной из рыбных лавок появилось своего рода рекламное воззвание: «Сам ловил, сам солил, сам продаю!». А вскоре на ближайшей лавочке повесили иное объявление: «Сам не ловил, сам не солил, а дешевле соседа продаю».

Непонятно, что преобладало в этой акции – желание привлечь побольше покупателей или же самому повеселиться.

Конечно, здесь случались и курьезы, и трагедии, а чаще смех и слезы сливались воедино. Однажды, например, в газете появилось сообщение, озаглавленное так: «Прискорбный случай с врачом Г.»: «17 марта в Охотном ряду ходил какой-то прилично одетый господин, но без шапки. Сняв с себя шубу, он тут же продавал ее каждому встречному, в том числе и городовому. Последний, разговаривая с продавцом, понял, что ему приходится иметь дело с психически больным, так как неизвестный, забыв о своей шубе, стал рассказывать о крыле какого-то насекомого, которое будто бы излечивает массу болезней. Городовой надел на больного его же шубу и отвез его в приемный покой Тверской части. Здесь врач, беседуя с доставленным и освидетельствовав его, нашел его действительно психически больным. В лице больного признали московского домовладельца, лекаря Г., 30 лет, который, работая над диссертацией на степень доктора медицины, от усиленных занятий заболел психическим расстройством».

Но кухарки и дворецкие, конечно, в таких тонкостях не разбирались. Они с удовольствием слушали рассуждения несчастного доктора Г. на тему чудотворного крыла.

А над всем этим торгом возвышалась церковь Параскевы Пятницы. Она слыла могучей покровительницей продавцов, и мясники, обтерев руки о замазанные кровью фартуки, неистово молились на ее кресты.

Но в 1928 году приехал экскаватор – разрушать тот храм. По преданию, в ковш разрушительной машины забрался реставратор Петр Барановский. Своим поступком он рассчитывал вынудить власти изменить решение и сохранить церковь. Однако Барановский был оперативно извлечен из ковша, а церковь быстренько снесли.

Спустя некоторое время краевед Петр Сытин подвел окончательный итог охотнорядским переменам: «В центре Москвы, между улицей Горького и площадью Свердлова, высятся два

новых многоэтажных здания: гостиница „Москва“ и Дом Совета Министров СССР. Широкий проезд между ними, достигающий 60 м, залит асфальтом и по обеим сторонам обсажен деревьями. Это – часть запроектированной большой магистрали, которая пройдет от площади Дзержинского до Ленинских гор. И только название ее – Охотный ряд – напоминает о далекой старине».

Вообще говоря, не такой уж и далекой.

Национальная гостиница

ГОСТИНИЦА «НАЦИОНАЛЬ» (Тверская улица, 1) построена в 1903 году по проекту архитектора А. И. Иванова в стиле модерн с элементами эклектики. Заказчиком было Варваринское акционерное общество домовладельцев.

В 1903 году в Москве произошло довольно важное событие, оставшееся поначалу незамеченным. На Тверской улице, на месте старого трактира «Балаклава» возникла новая гостиница «Националь», или Национальная гостиница (первое время ее называли по-разному).

Старожилы поначалу даже огорчились. Еще бы – «Балаклава» была местом колоритным. Немногие москвичи знали значение мудреного слова, однако почти всем было известно, что трактир этот – особенный. Вместо традиционных кабинетов в нем скрывались настоящие пещеры. То есть, конечно же, не настоящие – декоративные. В наши дни подобными дизайнерскими выдумками никого уже не удивишь, однако же столетие назад такие фокусы считались очень даже необычными и смелыми.

Тем не менее рабочие неспешно и без сожаления разломали низенькое здание трактира, а на его месте появился новенький отель в шесть этажей. Одновременно с ним возник другой – громадный «Метрополь». Он был и больше, и роскошнее, и, более того, имел скандальную историю (во время строительства его владелец, известный промышленник Савва Иванович Мамонтов, оказался в тюрьме за растрату). Национальная гостиница на фоне «Метрополя» выглядела скромненько.

Гости столицы, да и сами москвичи, быстренько поняли, что новая гостиница «Националь» – довольно респектабельное место. Постояльцев поражали мраморные статуи атлантов в вестибюле, дорогая мебель, росписи на потолках, резные рамы. Майоликовое сооружение, которое мы видим в наши дни (индустриальный пейзаж с трубами и дымом), было сделано, конечно, уже после революции. Первоначальная тематика «национальной» живописи была несколько иной, гораздо больше соответствующей модному тогда стилю модерн – одновременно романтической и ироничной. Например, одна из росписей изображала бога Вакха, оседлавшего забавный деревянный велосипед (кстати, этот вид транспорта в то время был в новинку).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.